

Е. В. ГЛАРИАНТОВА

**Античные
и христианские
источники
в творчестве
Антиоха Кантемира**

Имя Антиоха Дмитриевича Кантемира в сознании филолога, освоившего курс литературы XVIII века, традиционно связывается с сатирическим началом русской литературы классицизма. Этот стереотип «друга Петровских реформ», «обличителя», «первого русского сатирика» до сих пор переходит из учебника в учебник, несмотря на усилившийся интерес исследователей к другим сторонам обширного литературного наследия Кантемира, в котором мы найдем и многочисленные переводы, и переложения псалмов, и оды, басни и эпиграммы, начало поэмы «Петрида» и даже духовный труд «Симфония на Псалтырь»¹.

По-европейски ориентируясь на античные образцы, Кантемир сохраняет уважение и глубокую связь с отечественными православными традициями. Будучи ярким представителем новой эпохи, А. Кантемир прекрасно знал античную культуру, древние языки. Так, в возрасте 10 лет, Кантемир публично выступил в Московской Славяно-греко-латинской Академии с похвальным словом Дмитрию Фессалоникийскому на греческом языке. В 1725 г. выполняет первый перевод — переводит с латинского с добавлениями и исправлениями по греческому оригиналу хронику византийского писателя XII в. Константина Манассии. Самые значительные (даже по объему) переводы Кантемира — переводы именно античных авторов: «Анакреонта Тиейца Песни» и «Письма» Горация. В то же время православный характер воспитания и семейного окружения Кантемира способствовал органическому восприятию православного религиозного бытия. Мать поэта, образованная, глубоко верующая, учила читать мальчика именно по Псалтыри (как это было принято у русских). Отец Кантемира в свое время обучался в ду-

ховной школе, домашними учителями были священники Афанасий Кондоиди и Иван Ильинский. Очень

показателен тот факт, что свой литературный путь Кантемир начинает именно как *духовный автор*, с выпуска в свет «Симфонии на Псалтырь», «частое во священных псалмопениях упражнение». Кантемир прекрасно был знаком с православной церковной литературой. Упоминания о Псалтыри и богослужебных текстах и цитаты из них рассеяны повсюду в его произведениях. В примечаниях к сатирам есть отсылки и к Псалтыри, и к Часовнику, к Апостольским посланиям, называются имена ученых-богословов Иоанна Златоуста, Василия Великого, книга догматов Стефана Яворского «Камень веры», приводится рассказ о крещении древних славян. Даже в позднем натурфилософском трактате «Письма о природе и человеке», представляющем вольный перевод и компиляцию идей Фенелона «Доказательство бытия Бога» и Оксеншерна «Мысли, размышления и моральные правила», встречаем стихи из Псалтыри. Например, в самом первом письме Кантемир высказывает мысль об осознании собственных заблуждений после того, как, пережив несчастья, смирился перед Богом, и при этом ссылается на стихи Псалтыри «ныне скажу Псаломнику согласно: 'Благо мне, яко смирил мя, еси, да научуся заповедям Твоим'». Ссылки на Псалтырь в трактате многочисленны. Так, рассуждая о движении планет, звезд, Кантемир подчеркивает величие Божие при создании мира псалтырным стихом: «признавать Творца... и его премудрости дивиться, и сказать слова псаломника и пророка: *небеса поведают славу Божию*»; сетуя о неверии современных философов, рассуждает о них как о безумных, снова словами Псалтыри: «Я сомне-

ваюсь, чтоб прямой был в сердце богоотступник, но только, как по глаголу пророка Давида: *рече безумец в сердце своем несть Бога*»².

В творчестве Кантемира мы находим свободное сплетение, контаминацию библейских и античных текстов, у которых автор видит общие идеи и мотивы. Подобная «христианизация античности» была характерна для литературной культуры Петровской эпохи³. Так, уже Феофан Прокопович, старший друг и литературный наставник Кантемира, в стихотворении «Кто крепок на Бога уповаю...» использует мотивы 45-ого псалма и первую — вторую строфу 3-й оды III книги Горация⁴. В песнях-одах середины 30-х годов Кантемир очень органично соединяет тексты, принадлежащие разным культурным традициям: оды Горация и евангельские стихи. Так, Песнь I («Противу безбожных») и Песнь II («О надежде на Бога») являются своеобразной контаминацией евангельских мотивов (Матф. 6: 26, 28–34, Лук. 12: 27, с горацянскими (ода 9, 34 I Книги Песен), у которых Кантемир находит общую идею — идею упования на милость Божию. В примечании сам Кантемир с удивлением пишет об общности мысли античного автора и священного текста: «Основание сей песни взято из Евангелия и из Горация. Чудно, сколь меж собою Спаситель и римский стихотворец согласуются в совете об отложении лишних попечений и сколь от того разгласые заключения производят»⁵. Исследователями одического творчества Кантемира уже отмечалось «гармоническое и актуализированное совмещение христианских (скорее библейских) и античных источников»⁶. Песнь I открывается горацянскими стихами, призывающими «злых богоборцев» оставить «тщетную мудрость мира»⁷, затем появляются переосмысленные образы и мотивы 103⁸ и 8 псалма, посвященных чудесному устройению Богом мирского бытия, или, по определению Кантемира, «доказательства бытия божества через его твари». Заканчивается ода «Противу безбожных» прямой цитатой из 32 псалтырного стиха. При всей

масштабности библейских образов доказательства бытия Бога через совершенство его творений носят явный отпечаток новейших астрономических сведений, с которыми Кантемир был хорошо знаком⁹. Что касается оды II («О надежде на Бога»), то из шести строф только одна полностью оригинальна: первые две строфы соотносимы с текстом Евангелия (Матф. 6: 26, 28–34, Лук. 12: 27), последние три строфы — перефразированные стихи 9 оды Горация и лишь 3 строфа принадлежит собственно Кантемиру. В третьем стихотворении «На злобного человека» опять видим соединение текстов, еще более пестрое, чем в предыдущих песнях: надгробная надпись итальянского сатирика XVII века Аретино, III эклоги из «Буколик» Вергилия и вновь псалтырного стиха, на этот раз из Псалма 139, тема которого — обличение злого, лукавого человека. В Песне IV («В похвалу наук») оказываются совмещенными и тема странствия Муз (Мудрости)¹⁰, почерпнутая из «Беглецов» Лукиана, и рассуждение о Мудрости, посланной «царем мира предвечным», которая людей «страсти обуздав, нравов суровость исправит. И на путь правый их ноги наставит»¹¹.

Два духовных стихотворения «Metaphrasis Ps. 36» и «Metaphrasis Ps. 72» (1730 г.) уже по своему жанровому названию могут быть включены в жанровую традицию стихотворного переложения псалмов. Опуская спорный вопрос атрибуции метафрасисов¹², скажем лишь, что переложение 72 псалма опять включает и античный, чуть переработанный, текст (что, кстати, указывает скорее на авторство Кантемира, чем Феофана Прокоповича, тем более, что имеется соответствие этого отрывка тексту его I сатиры), и, разумеется, переработанные стихи 72 псалма. Первые 16 стихов переложения — вольный перевод из 8 элегии Овидия, что видно из сопоставления начала переложения стихов их сатиры I «На хулящих учение» и латинского поэтического текста. Вставка из Овидия — известное общее место о «невозможном времени»: «Вспять от морей к истокам своим глубокие хлынут / Реки, и Солнце коней

оборотит на восток. / Звезды земля понесет, взбороздится под лемехом небо; / Пламя взметет волна, воду огонь породит»¹³ живописна передана Кантемиром в первых 16 стихах переложения: Аще из земли престанут реки/Истекати/И начнут моря брег свой великий/Преступати, / А падшее небо землю покривет / Всю звездами, / Воздух, в огонь пришед, восвириплет / Молниями — / То ниже тогда благодать вышняго / Многомошна / Предает праведна в руки грешнаго / Безпомощна, / Ни душ избранных всеблаготворец / В злой печали / Оставит, дабы, лишены, в конец / Погибали¹⁴.

Неоконченная поэма «Петрида» (1730 г.), незаслуженно обиженная исследователями¹⁵, посвященная смерти Петра Великого, несомненно, пусть и через посредство «Генриады» Вольтера (Кантемир мог читать ее как в начальной форме 1723, так и в законченной 1728 г.), восходит к общему для всех европейских эпосов Нового времени образцу — «Энеиде» Вергилия. В качестве яркого примера можно привести общее описание чудовищ, сидящих у входа в Ад (старость, глад, нищета, война, ненависть, болезни, зависть). Это описание впервые появляется у Вергилия (в 6 песне «Энеиды») и становится общим обязательным местом любой эпической поэмы. У Кантемира перед дверьми Ада сидят все несчастья рода человеческого, описанные весьма колоритно и метко: «сидит печаль и мысли тоя люты чада», «старость скорбна», «глад, предводитель к смерти», «срамная нищета», «грозна смерть видом и косою», лежит «сон, рукою подперши главу, дремящ», «смертоносная война в оружии многом», «зависть всезлобна с ехидными власами», «скудоплотны лежат бледны болезни» и т. д.¹⁶ У Вергилия Эней в 6 песне вместе с Сивиллой спускается в подземное царство и видит, что у входа «Скорбь ютится и с ней грызущие сердце Заботы», «бледные здесь Болезни живут», «унылая Старость», а также страх, нищета, позор, голод, муки, тягостный труд, смерть и сон, злобная радость, война и распря, а также мифические чудовища (от Сцилл до гарпий)¹⁷, кото-

рых уже нет в тексте Кантемира по понятным причинам (христианский Ад их не предполагает). Мы не знаем общий план поэмы (Кантемир оставил нам лишь одну начальную песнь), но поскольку поэма полностью посвящена единственному событию, смерти Петра I, то можно с уверенностью предположить, что деяния и труды Петра должны были вводиться ретроспективно, в виде вставных эпизодов о прошлом, что вновь отсылает нас к истокам эпического жанра, а именно к «Одиссее» Гомера.

Таким образом, на ряде примеров становится видно, насколько свободно Кантемир соединяет тексты разных традиций, находя общие идеи и образы у античной и библейской поэзии. Такая установка на библеизацию античности вписывает творчество Антиоха Кантемира в русло барочной традиции¹⁸, для которой античность представлялась универсальной схемой культуры, ее формой и языком.

¹ См. работы, посвященные исследованию различных жанров творчества Антиоха Кантемира, в сборнике Антиох Кантемир и русская литература. М., 1999.

² Цит. по: Луцевич Л.Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002. С. 178.

³ См. об этом Николаев С. И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996. С. 101.

⁴ См. подробнее Луцевич Л. Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002. С. 160.

⁵ Кантемир А. Собр. стихотворений / Подгот. текста и примеч. З. И. Гершкович. Л., 1956. С. 204.

⁶ Maiellaro G. Псалтырь в песнях-одах А. Кантемира // Study Group on Eighteen Century Russia News letter. 2000. №28. P. 19.

⁷ Кантемир А. Собр. стихотворений / Подгот. текста и примеч. З. И. Гершкович. Л., 1956. С. 195.

⁸ Стих «иже управляет Тварь всю, своими созданну руками» прямо соотносится с 24 стихом 103 псалма: «вся премудростию сотворил еси, исполнися земля твари Твоя» (Пс. 103:24)

⁹ И так увеселил все махины части,
 Что нигде лишна легкость, нигде бремя,
 Друг друга держат и не могут пасти.

Или:

Его же словом в воздушном пространстве
 как мячик легкий, так земля катится.

(Кантемир, цит. изд. С. 195).

¹⁰ Тема «странствия Муз» являлась общим местом литературы классицизма. В оде Кантемира Музы осветили мудростью сначала «к востоку крайни пространны народы...Кои пьют Ганга и Инда воды» (Индию), затем перешли в Египет, Вавилон и Грецию; после гибели Византии, пережив средние века, бежали в Италию, откуда «возсияла Европе целой луч нового света. В предисловии к переводу Юстина Кантемир поясняет аллегорический смысл этого перемещения: «оныя (науки) неинако из Египта в Грецию, от греков к римлянам, от римлян в Италию, в Англию, в Германию и во Францию переселились. Все те народы один другого книги переводили, от чего не только знание наук и художеств размножилось, но и язык их обогащен многими новыми словами».

¹¹ Кантемир А. Цит. изд. С. 200.

¹² «Metaphrasis Ps. 36» и «Metaphrasis Ps. 72» были опубликованы В. Я. Стоюниным и П. А. Ефремовым в сочинениях А. Кантемира 1867 г. (Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1867. Т. 1. С. 288–296), включены они также и в академическое издание «первого русского сатирика» 1956 г. (Кантемир А. Собр. стихотворений / Подгот. текста и примеч. З. И. Гершкович. Л., 1956. С. 252–258). Среди исследователей литературы первой трети XVIII в. существуют различные точки зрения на атрибуцию этих парафраз. Еще в XIX в. в одной из рукописей их приписывали Феофану Прокоповичу (Чистович И. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 599). Т. Е. Автухович на основе анализа так называемой украинской рифмы и размера metaphrasis'a однозначно оба текста атрибутирует Феофану Прокоповичу (Автухович Т. Е. Об авторстве «Metaphrasis Ps. 36» и «Metaphrasis Ps. 72» // XVIII век. Сб. 15. Рус-

ская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 154–160). Ему же отнесены парафразы и в сборнике лирики XVIII в. 1990 г., подготовленном Н. Кочетковой (См. сборник Русская литература. Век XVIII. Лирика / Сост., подгот. текста и коммент. Н. Кочетковой. М., 1990. С. 28–34). Однако некоторые исследователи по-прежнему рассматривают парафразы 36 и 72 как произведения Антиоха Кантемира (Елеонская А. С. Древнерусские мотивы в произведениях Кантемира; Большухина Н. Б. Лирика Кантемира // Антиох Кантемир и русская литература. С. 7–19, 35–47). Л. Ф. Луцевич разделяет принадлежность переложений: Metaphrasis Ps. 36 рассматривает как произведение Феофана, а авторство переложения псалма 72 оставляет за Кантемиром, подтверждая подобную версию (помимо семантической диалогичности обоих парафраз) структурой рукописей, в которых содержатся переложения, так как тексты Феофана Прокоповича и Кантемира выстроены один за другим в порядке диалога (Луцевич Л. Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002. С. 161–169).

¹³ Публий Овидий Назон. Сочинения. СПб., 1994. С. 248.

¹⁴ Кантемир А. Цит. изд. С. 255.

¹⁵ См. Пумпянский Л. В. Очерки по литературе первой половины XVIII века. Кантемир и итальянская культура // XVIII век. Сборник статей и материалов. Издательство Академии наук СССР М.; Л., 1935. С. 86.

¹⁶ Кантемир А. Цит. изд. С. 245.

¹⁷ Вергилий. Энеида. Пер. Ошерова С. // Античная литература. Рим. Хрестоматия под ред. Н. А. Федорова, В. И. Мирошенковой. М., 1981. С. 280.

¹⁸ Свободное соединение христианских и языческих элементов было широко распространено в юго-западном варианте европейского барокко XVII века. Например, в «Евхаристионе» — панегирике Петру Могиле, изданном воспитанниками Киевской Академии в 1632 году — упоминается «королева наук — Минерва православно-католическая». В проповедях Стефана Яворского неоднократно упоминаются Меркурий, Сатурн, Венус, Марс

и даже кавалер Геркулес. В. М. Живов и Б. А. Успенский пишут о подобном совмещении разнородных элементов как о черте именно среды духовенства: «Использование мифологических схем как языка становится чертой духовного образования... в духовной среде мифология воспринимается как признак культурного Просвещения» (Живов В. М., Успенский Б. А. *Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII веков.* // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. IV С. 497). В эстетике же европейско-

го классицизма в принципе не допускалось столь органичного смешения античных и христианских элементов (согласно общему классицистическому принципу правдоподобия). Никола Буало в III Песни «Поэтического искусства» протестовал только против смешения христианских и языческих элементов, еще разрешая сохранять мифологические образы лишь как часть традиционной поэтики, но уже Демаре, автор христианских эпических поэм, осуждал любое употребление «языческих басен», равно как и Фонтенель.